

Кечерукова М.А.

К.ф.н., старший преподаватель кафедры иностранных языков Тюменского государственного нефтегазового университета

ОБРАЗ ПРОМЕТЕЯ В ЛИТЕРАТУРЕ XX в.

Аннотация

В статье рассматривается образ Прометея в мировой литературе, его происхождение, связанное с архетипическим образом «культурного героя», а также изменение символической и идейно-философской наполненности этого образа в литературе Нового и новейшего времени.

Ключевые слова: архетип, символ, поэтика, Прометей.

Key words: archetype, symbol, poetics, Prometheus.

В истории мировой литературы образ Прометея существует на протяжении тысячелетий. По мнению Е.М. Мелетинского, образ Прометея тесно связан с самым древним персонажем фольклорного повествования – первопредком, выполняющим функции культурного героя или демиурга. Именно из этого комплекса – «первопредок – культурный герой – демиург» [3,173] – постепенно формируется архетип героя. Исследователь выделяет ряд специфических черт, составляющих ядро архетипического образа героя, среди которых наиболее важными являются: соотнесенность героя с человеческой общиной (т.е. герой в определенном смысле отождествляется со своим племенем, «а племенные границы при первобытнообщинном строе совпадают с общечеловеческими» [3,173]) и забота об устройстве мира для человека. Последнее включает в себя защиту от демонических сил, а также строптивый характер. «Впоследствии деяния демиурга или культурного героя приписываются богам (...), – пишет Е.М. Мелетинский, – но еще раньше оформляется независимый образ культурного героя – благодетеля человечества. Вершиной на этом пути является образ Прометея» [2,17].

Символическая и идейно-философская наполненность этого образа менялась в зависимости от автора, эпохи, общественно-исторических факторов. И если в знаменитой трагедии Эсхила «Прикованный Прометей» герой – мудрый защитник людей – является символом человеческой цивилизации, то, например у Боккаччо, Прометей становится символом науки и мудрости, созидания и развития. Образ богоборца и освободителя людей в литературе Нового и новейшего времени то наделялся чертами ницшеанского сверхчеловека, то обретал скрытый революционный подтекст. Богатейшее содержание мифа о Прометее породило различную трактовку этого образа – от бунтовщика и страдальца за все человечество, до идеального художника-творца, святого великомученика и пророка истинного Бога, и даже предводителя движений народных масс. Наибольшей трансформации образ Прометея подвергается в литературе XIX, XX века. Под пером таких авторов как В. Оркан, К. Чапек, А. Жид и т.д. Прометей теряет свое благородство, становится символом упадочнических настроений, разочарований, пессимизма и безысходности.

Немецкий философ Г.-Г. Гадамер пишет о важнейшем значении мифа о Прометее для истории европейской культуры. «Ибо в этом мифе, – по мнению философа, – с ранних времен западное человечество несомненно истолковывало самого себя в своем культурном самосознании. Он как бы миф европейской судьбы» [1,243]. Сравнивая древнейшие дошедшие до нас интерпретации этого мифа Гесиодом и Эсхилом, ученый приходит к выводу, что именно Эсхил выдвинул образ Прометея в свет трагедии культуры, «осознанно истолковав, что означала для человека кража огня в предании» [1,248]. Деяние Прометея должно означать, «что он даровал людям способность к

самостоянию» [1,250] и положил начало «простирающегося до невообразимости человеческого творчества» [1,248]. Трагическое противоречие, заложенное в сердцевине человеческой культуры, заключается, по мысли философа, в том, что искусство знаменует господство человека над землей, не будучи в силах отменить смертный удел. Это трагическое противоречие отражается и в судьбе Прометея. «Он тот врач, который не умеет помочь самому себе. (...) В трагическом риске, на который он пошел, одарив человечество способностью к самостоянию, неизменно пребывает и само человечество. (...) В нем человечество, за которое он страдает, смотрит само на себя» [1,251].

Интересной трансформации подвергается образ Прометея в романе Уильяма Голдинга «Хапуга Мартин» (1956).

Сюжет романа достаточно прост. История человека, по воли судьбы оказавшегося в изоляции на острове вдали от цивилизации, отсылает нас к островной сюжетной модели, имеющей глубокие традиции в английской литературе (во многом продиктованные географическим местоположением Англии), и вызывает ассоциации с романом Даниеля Дефо «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо». Однако вслед за развязкой – описанием смерти героя (последнее, что видит протагонист – черная молния, символ смерти), вполне в духе Голдинга следует второй финал, из которого становится ясно, что на самом деле протагонист погибает на второй странице романа, не успев даже скинуть тяжелые морские сапоги, а все, что описывалось до этого, является то ли плодом воображения умирающего героя, то ли пребыванием души героя в чистилище.

Фабула романа «Хапуга Мартин» в полной мере позволяет говорить об использовании Голдингом этого всемирно-исторического символа. Причем, даже если бы имя мифологического героя в тексте романа ни разу не упоминалось, схожесть ситуации – человек прикован к скале (пусть и не в буквальном смысле), терпит всевозможные страдания и упрямо отказывается подчиниться воле Бога – не подлежит сомнению. При этом Кристофер Мартин (протагонист романа) являет собой полную противоположность мифологическому герою. Древнегреческий Титан мужественно переносит страдания во имя спасения всего человечества, Мартин же печется лишь о своем драгоценном Эго. Сам жизненный путь Мартина полностью лишен «промеевского пафоса служения людям» [3,178], его алчность и тщеславие никак не сочетаются с героическим альтруизмом Прометея, бескорыстным желанием помочь человечеству. Кроме того, Прометей был прикован к скале несправедливым Богом, Богом-тираном, Мартин же прикован к скале собственного эгоизма. Он сам создал и скалу, и небеса, которые должен держать на руках. Его страдание – «страдание не от бога, но от самого же себя» [1,254].

Таким образом известный мифологический символ в романе Голдинга претерпевает значительные изменения в своих главенствующих чертах. Вызвав ассоциации с архетипическим образом героического бунтовщика, Голдинг не жалеет красок на изображение низости и жестокости своего персонажа, усиливая контраст между современным Прометеем и древнегреческим героем-титаном, подчеркивая несоответствие современной жизненной прозы высоким мифологическим образцам. Сравнение с мифологическим героем не придает Кристоферу Мартину величия, а, наоборот, показывает его ничтожность перед лицом Вечности, бессмысленность его жизни и абсурдность его страданий. Величие Мартина не подкреплено ничем, кроме его собственного представления о своей значимости. Интерпретация современной культуры мифотворческими средствами ради раскрытия измеления, духовной слабости современного индивида сближает роман Голдинга с творчеством таких представителей модернистской литературы, как Джеймс Джойс и Франц Кафка.

Литература

1. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М., 1991. – С.383.
2. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. – М., 1994. – С.134.

3. Мелетинский Е.М. Первобытные истоки словесного искусства// Ранние формы искусства. Сборник статей. – М., 1978. – С.149-189.